

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.16

DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.10

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ: СВЯЗЬ С ПРЕДИКАТИВНОСТЬЮ, НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ, НЕРЕФЕРЕНТНОСТЬЮ

SIMPLE FORMS OF ADJECTIVES IN THE CHURCH SLAVONIC LANGUAGE: THE CONNECTION WITH PREDICATIVITY, INDEFINITENESS, NON-REFERENTIAL USE

Светлана Власова

Университет Vytautas Magnus, Вильнюс, Литва

Svetlana Vlasova

Vytautas Magnus University, Vilnius, Lithuania

Аннотация

В статье описываются особенности использования именных форм прилагательных в текстах Успенского сборника XII–XIII вв. с точки зрения функциональной грамматики и теории референции. Установлено, что использование именных форм прилагательного в церковнославянском тексте нельзя объяснять только их предикативностью. Использование именных форм в атрибутивной функции следует связывать с рефлексом выражения категории детерминации (определенностью / неопределенностью объекта) и объяснять неопределенностью или нереферентным употреблением определяемого существительного.

Ключевые слова: категория определенности / неопределенности, именные / членные прилагательные, церковнославянский язык, нереферентность, предикативность.

Abstract

The article describes the peculiarities of the use of simple forms of adjectives in the texts of the Uspensky codex of 12th–13th centuries from the functional grammar and the theory of reference (determination) of the modern Russian language point of view (N. D. Arutunova, A. D. Shmelev, S. A. Krylov, V. Gladrov,

T. M. Nikolaeva, I. I. Revzin). We try to aspire that the functional-communicative analysis is not only possible in this case, but also fruitful. Based on this approach it is possible to substantiate (with sufficient degree of consistency) the use of simple forms of adjectives in the ancient text, the meaning of which, in our opinion, has not been studied properly in the scientific literature. This causes a return to predicative theory (A. A. Urzhumova) that was already discussed in the mid-twentieth century. The conclusions of the research are based on the analysis of all contexts with simple and pronominal forms of adjectives contained in word-index to the Uspensky codex of 12th–13th centuries. We are dealing with 1235 adjectives which are used almost 9 thousand times: there are about 4 thousand samples of usage of simple forms and about 5 thousand instances with pronominal forms.

The analysis of about 4 thousand uses of simple forms of adjectives in the Uspensky codex showed that they are used as predicates and the so-called second indirect cases in more than 900 usages. Moreover more than 1500 cases illustrate their usage for expressing the definiteness in case if it has already been expressed in the adjective by lexical means (neutralization). Thus, it is evident that there are about 1500 samples, the analysis of which allows revealing the contexts where the old forms of distribution still remained in accordance with their ancient meaning. We consider the function of simple forms in the mentioned above contexts as an attributive function. The analysis of these contexts leads to the conclusion that we should not classify all cases of simple adjectives usage in old Church texts only as examples of their predicative use. The so-called “hidden predicativity” contributes to the understanding of the noun group as indefinite one, but at the same time it is impossible to say that all simple forms of adjectives are predicative. The use of simple forms in the attributive function should be associated with the expression of the category of determination (definiteness / indefiniteness) and should be explained by the terms of indefiniteness or non-referential use of the determined noun. Pragmatic source of indefiniteness is most often the introduction, which can be carried out with the help of existential statement, as well as by using indefinite description. We can see that the meaning of the uncertainty is bounded up with modal and aspectual/ temporal characteristics of different types of predicates in the analyzed texts. This connection requires further study in ancient texts.

Key words: a category of definiteness / indefiniteness, simple and pronominal forms of adjectives, the Uspensky codex of 12–13th centuries, the Church Slavonic language, non-referential use, predicativity.

Введение. В Успенском сборнике XII–XIII вв. [УС], содержащем, как известно, тексты на церковнославянском языке восточнославянского извода, оппозиция членных (местоименных, полных) и именных (не-членных, кратких) форм имен прилагательных, по нашим наблюдениям,

еще сохраняет рефлексы былого распределения, обусловленного определенностью / неопределенностью (О / НО) имени существительного. Членная форма прилагательного сигнализирует о намерении автора текста сообщить о своем предположении, что читающий в состоянии отождествить в своей памяти референт, соответствующий определенной именной группе (ИГ). Именная форма называет тот или иной признак неиндивидуализированного предмета, который слушающий не в состоянии отождествить в данный момент. Мнения лингвистов о функциях данных форм в разных текстах древнерусской письменности расходятся [Хабургаев: 183–188; Кузнецов 1983; 2000].

Методология исследования. Целью данной статьи является описание функционально-семантических особенностей именных форм прилагательных с точки зрения функциональной грамматики и теории референции (детерминации) современного русского языка (работы Н. Д. Арутюновой, А. Д. Шмелева, С. А. Крылова, В. Гладрова, Т. М. Николаевой, И. И. Ревзина). Такой подход к анализу древнего текста можно считать дискуссионным, поскольку приходится реконструировать некоторые особенности восприятия действительности и текста людьми далекой от нас эпохи. Несмотря на то, что «причины образования членных прилагательных в значительной мере останутся для нас загадкой уже потому, что мы не имеем и никогда не будем иметь тех контекстов, в которых они реально появились» [Историческая: 86], необходимо исследование максимально приближенных по времени к исходному состоянию текстов. Даже при условии, что «регистрация в древнерусских рукописях старых форм в соответствующих конструкциях необязательно свидетельствует о сохранении самой категории определенности-неопределенности у согласуемых слов» и «колебания в употреблении именных и членных форм говорят о том, что усвоение этих форм и функций составляло проблему для древнерусского писца» [Кузнецов 2000: 96, 102], нам хотелось бы по мере возможности прояснить детали механизма выбора писцом той или иной формы.

Мы стремимся показать, что функционально-коммуникативный анализ в данном случае является не только возможным, но и продуктивным. Правомерность такого подхода признается и автором наиболее исчерпывающего на настоящий день исследования по истории прилагательного А. М. Кузнецовым [Историческая: 88–89]. На основе данного подхода можно как создать классификацию значений именных форм, так и с достаточной степенью последовательности обосновать их использование в древнем тексте. О недостаточной изученности семантики именных форм, по нашему мнению, свидетельствует возвращение к уже обсуждавшейся в начале и середине XX в. теории их предикативности [Уржумова].

Материалом исследования послужили прилагательные, собранные в текстах Успенского сборника XII–XIII вв. Жанр сборника обуславливает

присутствие в нем большого количества прилагательных разных разрядов, в противоположность бытовым и юридическим текстам, в которых прилагательных гораздо меньше и они лексически ограничены.

Выводы работы базируются на основе анализа всех контекстов с именными формами прилагательных, зафиксированных в словоуказателе к УС, а это составляет около 4 тыс. словоупотреблений. Всего в словоуказателе зафиксировано почти 9 тыс. словоупотреблений на 1235 лексем прилагательных, то есть оставшиеся приблизительно 5 тыс. словоупотреблений приходятся на членную форму (полный анализ см. [Власова 2006]).

Основная часть. По нашим наблюдениям, общую картину распределения именных форм прилагательных в УС можно представить следующим образом:

1. Именная форма могла использоваться *для выражения определенности* в том случае, если определенность уже была выражена в прилагательном лексически либо при помощи словообразовательных средств (нейтрализация). Дело в том нерядовом обстоятельстве, что определенный член в балтийских и славянских языках присоединялся не к существительному, а к прилагательному. Это привело к сложному взаимодействию между О / НО существительного и семантикой разных групп прилагательных в именной группе [Якубинский; Толстой; Власова 2006]. Индивидуализирующая объект семантика прилагательного не противоречила употреблению исключительно членной формы (как у большинства относительных прилагательных), а также могла определять и употребление исключительно именной формы (как было изначально у притяжательных прилагательных). Так, в УС абсолютно преобладает именная форма у притяжательных прилагательных (на 166 прилагательных 1086 словоупотреблений в именной форме и лишь 6 в членной). Вписывается в данную картину и особая группа прилагательных с суффиксом *-ьск-*, у которых именная форма преобладает в посессивном значении, конкурирует с членной в относительном, и преобладает членная форма в качественном значении. На эту группу приходится чуть более 240 словоупотреблений именных форм [Власова 2015]. Важно, что в УС ни притяжательные прилагательные, ни прилагательные с суффиксом *-ьск-* не используются в роли предиката, за исключением одиночного примера¹ **ВЪСЕ ІЕЖЕ ОЦЬ ІМАТЬ • ТО СЫНОВЬНІЕ** 281a29. В этом проявляется их принадлежность к группе идентифицирующих слов (термовость) и близость к дейктическим словам (указательным и притяжательным местоимениям), для которых тоже нехарактерна предикативная функция. В виде гипотезы можно предположить, что именно отсутствие предикативного употребления, а следовательно, и необходимости диф-

¹ Все примеры цитируются по изданию [УС 1971], указывается лист, столбец и строка, в которой находится анализируемое прилагательное.

ференциации атрибутивного и предикативного значения, и способствовало, по-видимому, сохранению именной формы у притяжательных прилагательных, несмотря на их несомненную лексическую определенность.

К случаям нейтрализации мы относим также немногочисленные в УС случаи употребления именной формы в роли определения к уникальным существительным (22 примера), а также употребление именных форм сложных прилагательных в позиции несомненной определенности (15 примеров). Так как в данном случае речь идет об определенности предмета, в рамках данной статьи эти формы мы исключаем из рассмотрения.

2. Именная форма используется *для выражения предикативности*. Если к предикативному традиционно относить и употребление прилагательных в конструкциях с так называемыми вторыми косвенными падежами и дательным самостоятельным, сюда можно отнести около 900 именных форм прилагательных. Это примеры типа: **бѣаше нога ѿмоу соуѡ и сѣкърчена** 19в20–21; **нѣ нази родихомъ са** 58г21; **абие роукоу и ѿлоу сътвори члѣкоу** 125в24, в целом не вызывающие дискуссий у исследователей. Разумеется, констатации факта использования именных форм в предикате недостаточно, необходимо объяснение, почему именно именные формы столь тяготеют к предикату. Объяснения даются разные¹, однако преимущественно именные формы связаны с неопределенностью либо новизной информации, сообщаемой в предикате.

Заметим, что степень связи глагола и прилагательного в подобных примерах может быть разной, поэтому случаи типа **дондеже паки боудаше чърньць искоусьнѣ** 37г10; **како же можемъ молитвоу чистоу приносити къ боу · сѣкровища имѣнию дърѣжаще въ келии своѣи** 49б11 уже можно считать пограничными между предикативным и атрибутивным употреблением. Ввиду затруднений, связанных с пониманием актуального членения древнего текста современным читателем, любую статистику тут следует считать относительной. Хотя использование именной формы в ИГ **молитвоу чистоу** можно объяснить и нереперентностью определяемого

¹ Так, Л. П. Якубинский считал, что признак в именном сказуемом всегда приписывается уже известному предмету, поэтому существительное, к которому относится прилагательное-сказуемое, всегда определено для говорящего, так что и употребление члена излишне [Якубинский: 215]. По мнению А. Д. Шмелева, «именное сказуемое является не предикатным, а специфицированным неопределенным» [Шмелев:12]. Н. И. Толстой причину отсутствия полных форм прилагательного в роли сказуемого видел в разрыве двух представлений (предмета и его качества) в предикате [Толстой: 100–101], что близко к пониманию А. М. Кузнецова, говорящего о разрыве в предикате тема-рематических отношений между предметом и его признаком. По мнению Г. А. Хабургаева, краткая форма как немаркированный член оппозиции использовалась для выражения предикативности, «ибо сказуемое — это всегда новая информация, рема высказывания, следовательно, в предикате членная форма была невозможна» [Хабургаев: 183].

существительного, признак, названный прилагательным, несомненно важен в общем смысле высказывания, актуализован, имеется и связь с глаголом (= как может быть чистой молитва, если), что позволяет отнести данное употребление к предикативному, или, как более точно формулирует А. М. Кузнецов, при-предикатному [Кузнецов 1999: 64]. Показателем предикативности прилагательного в конструкциях со вторыми косвенными падежами следует считать его подчиненность глаголу-сказуемому, наравне с самим существительным. Поэтому не относятся ко вторым косвенным падежам примеры типа *послѣ же въписа къ нѣмо(у) еписколю великоу зѣла(о)* 58в4, так как признак здесь не связан напрямую с глагольным действием. Хотя с точки зрения современного русского языка в таких примерах можно видеть обособленное определение и скрытую предикативность.

Таким образом, здесь очень важно определиться в целом с понятием предикативности прилагательного. По замечанию А.М. Кузнецова, с одной стороны, «прилагательное формально без глагола (пусть и в нулевой форме) предикативным быть не может. Так что следовало бы говорить не о предикативном, а о при-предикатном или, если угодно, о при-глагольном употреблении прилагательных», с другой стороны, «признак всегда (независимо от синтаксической позиции), приписывается (т. е. предикцируется) предмету, даже “атрибутивный”». Поэтому предикативным следует считать не любое именное прилагательное, а только те случаи, где присутствует «тема-рематическое “противостояние” существительного и прилагательного (предмета и признака), при котором прилагательное объединяется с глаголом в комплекс, способный дополнительно члениться на тему и рему» [Кузнецов 1999: 64].

Роль именной части сказуемого выполняют преимущественно качественные прилагательные, которые Н. Д. Арутюнова относит к «классическим предикатам» [Арутюнова 1976: 337], называя в качестве отличительной особенности слова-предиката отсутствие денотативного наполнения, когда слово имеет значение, но лишено референции [Арутюнова 1976: 37, 329].

3. Таким образом, из почти 4 тыс. словоупотреблений именных форм прилагательных в УС почти полторы тысячи приходится на случаи их использования для выражения определенности (нейтрализация); около 900 случаев следует относить к употреблению в роли предикатов и так называемых вторых косвенных падежей. Следовательно, далее можно рассматривать около *полтора тысяч* словоупотреблений, анализ которых и позволяет выявить те контексты, в которых еще сохраняется былое распределение форм в соответствии с их происхождением. Сложность анализа связана с тем, что «уже рукописи XI в. дают сложную картину н а л о ж е н и й на явления, свойственные более ранним эпохам, разнообразных инноваций, характеризующих отдельные славянские языки и говоры» (Раз-

рядка авт. — С. В.) [Историческая: 88]. И тем не менее именно тот факт, что «конструкции с именными формами легко усваиваются, становятся традиционными — почти клише. Вытеснение именной формы членной происходит в них постепенно, этот процесс в письменной речи отстает от живой речи» [Историческая: 90], дает шанс найти в УС те контексты, которые еще сохранили рефлексы древнего значения.

Прочитируем, какое объяснение использованию именных форм дают сторонники теории их предикативности: «анализ языкового материала позволяет классифицировать все случаи употребления нечленных имен только как примеры их предикативного использования» [Уржумова: 102]. Автор фактически исключает для именных форм атрибутивную функцию, отмечая: «то, что в традиционной исторической грамматике называется атрибутивным кратким (нечленным) прилагательным, собственно атрибутом не является» [Уржумова: 105], хотя и допускает «конструкции с нечленными именами, соотносимые с современными полупредикативными определениями и с приложениями (предикативный характер последних в современном русском языке у исследователей не вызывает сомнения)». Как самый весомый аргумент «предикативности» нечленных форм автор приводит постпозицию прилагательного. Однако данная интерпретация вызывает ряд вопросов: что такое предикативность? почему же тогда она не проявляется в постпозиции у членных форм? А если она проявляется, что же позволяет им приобрести / сохранить членную форму? Автор, с одной стороны, называет постпозицию «позицией предиката по отношению к грамматическому субъекту», а другой стороны, допускает в постпозиции употребление членной формы (как же она там оказалась?). Едва ли поможет объяснить ситуацию и обращение к теории происхождения «нечленного имени» из «синкретичного имени». Данная теория как не имеющая в данном случае объяснительной силы не без оснований критикуется в статье А. М. Кузнецова [Кузнецов 2002], а также в [Историческая 2006: 30; 79–80]. Думается, что на современном этапе изучение вопроса истории прилагательного уже невозможно начинать без ознакомления с работами данного автора [Кузнецов 1993, 1999, 2000, 2002; Историческая 2006].

На наш взгляд, при обсуждении функции именных и членных форм прилагательных невозможно обойтись одним лишь не всегда четко определяемым понятием предикативности. Тут неизбежным является обсуждение «категории детерминации» [Крылов], «типов референции» [Шмелев, Арутюнова] или «категории определенности / неопределенности» [Николаева, Ревзин].

Так как категория детерминации (О / НО) является особой функционально-семантической категорией, ее следует рассматривать как многоаспектное явление. Так, С. А. Крылов выделяет 11 групп аспектов

детерминации (прагматические, внешне-ситуационные, макросинтаксические, логико-семантические, семантико-, коммуникативно-, категориально-, конструктивно-синтаксические, лексические, грамматические, морфосинтаксические). Прагматический статус речевых отрезков является основой детерминации, причем происходит пересечение осведомленности / неосведомленности как говорящего, так и адресата. И если прагматическим источником известности (следовательно, определенности) является наличие у коммуникантов общего «базиса понимания» (расширяющегося от дейктической известности до энциклопедической), то прагматическим источником неизвестности (неопределенности) является интродукция [Крылов: 247–248]. Интродукция может осуществляться как с помощью экзистенциального высказывания, так и с помощью неопределенной дескрипции. Несомненно, к древнему тексту можно применить замечание С.А. Крылова, сделанное на основе работы Н. Д. Арутюновой, о развитии макросинтагмы как связной последовательности речевых актов. Действительно, четыре шага (последовательная интродукция, таксономическая предикация, номинация и далее цепочка характеризующих предикаций) выступают в качестве «этапов развертывания текста» [Крылов: 254, Арутюнова: 357–377], в том числе и древнего. Интродукция объекта всегда связана с неопределенной референцией к нему. К логико-семантическому аспекту детерминации следует относить существование классов слов, в лексическое значение которых входит указание на тот или иной тип референции. К семантико-синтаксическому аспекту детерминации относится связь О / НО с разными типами предикатов. Кроме того, существует связь модальных и видо-временных характеристик предикатов и референциального статуса актантов. В контексте рассматриваемого вопроса интересно, что «к числу факторов, способствующих прочтению ИГ как “неопределенной”, относятся, в том числе, разнообразные показатели “скрытой предикатности”» [Крылов: 265].

Денотативный статус ИГ может предопределяться особенностями лексического значения как самого существительного, так и других окружающих слов, в том числе прилагательных. К грамматическим факторам детерминации относится взаимодействие категории детерминации с грамматическими категориями, в частности, с категорией вида. Так, совершенный вид может сигнализировать об определенности существительного, а несовершенный — о неопределенности.

Итак, будем считать, что неопределенность ИГ проявляется во всех тех случаях, где отсутствует индивидуализация (идентификация, отождествление) предмета. В плане когнитивном неопределенная форма указывает не непосредственно на предмет, а на состояние принадлежности к классу подобных ему феноменов [Николаева: 349]. Кроме того, категория

О / НО служит для решения коммуникативных задач: «говорящий, когда он вводит в коммуникацию название того или иного предмета, учитывает, является ли данный предмет знакомым слушающему или нет. Если говорящий убежден, что данный объект для слушающего является новым, то имя выступает в значении неопределенности» [Гладров: 240].

В соответствии с вышесказанным мы выделяем следующие основные значения атрибутивных именных форм в УС:

I. Интродукция (введение объекта в рассмотрение). Референтное использование ИГ.

Интродуктивные предложения вводят предмет в фонд общих знаний собеседников, выделяя его из ряда однородных предметов, с целью его последующей характеристики. В интродуктивных предложениях всегда речь идет о предмете, известном говорящему, но незнакомом адресату [Арутюнова: 221].

1) Значение экзистенциальности.

Указание на существование предмета и возможность его выделения из соответствующей предметной области. В древнем письменном тексте это обычно первый «шаг» в линейном развертывании текста. Сигнализируется о готовности говорящего (повествователя) подробнее проинформировать собеседника о данном предмете. Неопределенность ИГ вытекает из неосведомленности адресата. Далее в тексте, как правило, содержатся последующие сообщения об объекте (если кореферентное существительное сопровождается далее прилагательным, то оно будет уже в членной форме). Маркерами значения существования являются формы глагола *быть*, как в примерах *и доннѣ ѡуть на мѣстѣ томъ монастырь славнѣ* 56a19; *бѣша же двѣрьцѣ малы посрѣдѣ юю* 300a20; *нѣкде въ градѣ бѣше члѣкъ слѣпъ* 22б23; *баше же тоу правдивѣ мужь именемъ ѡванъ* 150в21.

2) Первое упоминание предмета в речи / появление предмета в денотативном пространстве.

Близкий к предыдущему случай использования именной формы с целью поставить читающего в известность о том, что вводится новый для данного денотативного пространства объект. Значение существования предмета здесь входит в пресуппозицию, а на первое место выходит указание на возникновение предмета в денотативном пространстве реципиента. Предмет может быть неопределенным не только для воспринимающего текст, но и для «героя» описываемой коммуникативной ситуации. Подобного рода активностью чаще всего характеризуется лицо (для христианских текстов реже иной живой объект). Лицо либо само появляется в ситуации, либо является наблюдателем, в поле зрения которого и возникает новый объект, как в случае с глаголами восприятия. Начинательность выражается лексически, в семантике управляющего глагола (в том числе глагола восприятия), как в примерах.: *и се вълезе свѣтъль отрѣкъ*

въ воиньстѣи одении 45a23; **и се пьсь чьрнѣ ста предѣ мноу** 44a14; **паки обрѣтоухъ тоу оуношю добра · имьнымъ матѣю** 220b19. Глаголы восприятия свидетельствуют о появлении предмета в поле зрения реципиента: **агапии ... видѣ въ корабли дѣтищю · и дѣва моужа велика** 288b17; **и показа юмоу тѣло мѣдано велико** 122b25; **оуслыша шпѣтъ зълѣ окрѣсть шатѣра** 11b8; **оузрѣ ракоу мрамораню лежашю · многа лѣта** 83g22. Естественно, условия контекста могут измениться, и явиться / войти / быть принесенным / увидеть можно и определенный предмет, однако в таком случае в контексте должны были бы содержаться средства идентификации (маркеры), позволяющие рассматривать данную ИГ как определенную.

3) Неопределенность возникающего предмета.

Некоторый новый объект может не просто войти в данную коммуникативную ситуацию, но и мыслиться возникающим именно в тот момент, когда о нем говорят. То есть речь идет о бытии объекта, начиная с данного момента, и его не-существовании до этого. Речь чаще идет о неодушевленных предметах. Индикатором разграничения данных значений можно считать невозможность использования в таком контексте местоимения *один* в артиклевой функции. Семантика возникновения связана с характеристиками предикатов: **ави ста ис колѣна нога мала акы младоу дѣтищю** 21b17; **тѣгда же бжѣтвныи варламъ постави надѣ пещерю малюу црквищю въ има стѣна бѣа** 35g14; **и желѣзны печати възложиша на гробѣ** 241b11. К этому же подтипу, видимо, следует отнести предложения, в которых сказуемое выражено формой аориста **бысть**, так как «формы прошедшего времени глагола **быть** в плане содержания как в церковнославянском, так и в живом языке того времени могли обозначать либо состояние, либо возникновение этого состояния; в последнем случае отмечено начало этого состояния и данный глагол означает “стать”» [Успенский: 240]. Возникновение объекта актуализируется в высказываниях типа: **и бысть сѣча зла отиноудѣ** 15g4; **и бысть манастирь славнѣ · иже и донинѣ юсть** 35b28; **и се чюдо преславно бысть** 25g17–18.

4) Репрезентативная неопределенность.

В данном случае предмет выступает как представитель класса одноименных предметов, и в нем в данной коммуникативной ситуации важно именно это. Прилагательное в именной форме называет качество предмета, не индивидуализируя его. Часто в этом случае речь идет об обладании лицом неиндивидуализированным, но зафиксированным в реальном мире предметом, в отличие от «чисто» экзистенциального значения, где существование предмета не имеет семы «принадлежность». Примеры: **ничьсо же не сътажа на земли · тѣкъмо ризоу юдиноу и стихарѣ власанѣ** 293g29; обладание может быть выражено глаголом **имѣти**: **моужь нѣкый хота шпити на поуѣ · имыи же лоукнѣще мало пѣльно соуще сребра** 65b13; **имоушемъ же осьла нестроино на слоужбюу** 146b1–2; реже предмет принад-

лежит другому предмету: **имѣаше сии корабль • и котькы желѣзны** 199г16. Ввиду своей жанровой принадлежности, УС содержит преимущественно монологические тексты, в которых изложение ведется с позиции «всезнающего» автора. Так как примеров диалогической речи мало, то и случаи неопределенности неизвестного не только слушающему, но и говорящему объекта встречаются редко, как в примере: **рече къ гостиньнику • друуже слышалаъ ясмь тако имаши съде дѣцю доброу** 302б4.

Взаимодействие категории О / НО с посессивностью [Власова 2012] и предикатами обладания представляет большой интерес. По замечанию С. А. Крылова, в современном русском языке «предикаты *быть* и *иметь* (которые нередко объявляются первичными или базисными выразителями значения обладания) в действительности представляют результат сплавления реляционного предиката “владеть” (“обладать”) с интродуктивным оператором, относящимся ко второму аргументу этого предиката (“имуществу”). Как конструкции с посессивным *быть*, так и конструкции с посессивным *иметь* являются экзистенциальными, в отличие от конструкций с *владеть*, *принадлежать* и производными от них» [Крылов: 260].

В соответствии с правилами интродукции названный предмет может быть включен в дальнейшее повествование, но может быть упомянут всего один раз, что связано с меньшей «активностью» предметов по сравнению с лицами. Часто репрезентативная неопределенность наблюдается при описании внешности человека, в частности одежды, нередко при его первом упоминании автором либо в коммуникативной ситуации первого его восприятия реципиентом, как в примерах: **лице бо видаше нища или оубога въ скърби соуща и въ одежи худѣ** 51а10; **они же видѣвъше отрока простоту и ризами же худыми облечена** 31б3; и **оузырѣ идоуща • ѿ ї • моужа въ бѣлау ризахъ** 289б32. Идея принадлежности одежды в русском языке в этом случае выражается не в предикате, а в несогласованном определении. Между человеком и его носильными вещами возникают типовые отношения «смежности», при которых иногда признак известности (определенности) автоматически индуцируется с обладателя на объект обладания. Однако это происходит не всегда, а лишь в «типовых» ситуациях обладания. Интересно, что в современном русском языке предметы, обладающие известностью, основанной на ситуационном базисе понимания, тоже могут оформляться нулевым детерминативом (нулевая актуализация) [Крылов: 249–252]. В анализируемых примерах обладатель к тому же может быть неопределенным, поэтому он не может индуцировать определенность на соответствующий предмет.

В современном русском языке, чтобы «снять интродуктивный характер высказывания, в предложение может быть введено неопределенное местоимение *какой-то*, указывающее на то, что говорящий не в курсе дела, или местоимение *кое-какой*, дающее понять, что говорящий, хотя и рас-

полагает соответствующей информацией, однако не намерен ее сообщать или считает ее несущественной» [Арутюнова: 245]. Похожие примеры неопределенности можно увидеть и в УС: *два мужа · нѣ въ которѣи винѣ хощѣ окована* 23а16; *шп имѣнии своихъ малюу нѣкакоу часть подаючи имѣ* 36г29; *мънаше же чюжоу нѣкоую чърницю видаши* 132б15. Категория неопределенных местоимений еще находится в это время в становлении, поэтому можно увидеть и случаи употребления неопределенного местоимения в интродуктивном высказывании, как синоним местоимения «один»: *члвкоу нѣкоемоу хлюбивоу и боащю са бѣ · авлениемъ шпкры са жеже э блаженѣмъ и прѣдбънѣмъ оци нашемъ · ѳѳѳдосии* 55г3.

II. Неспецифическая неопределенность имени.

Анализ категории О / НО осложняется ее взаимодействием с категорией референтности, что исследователи обычно обозначают как существование двух видов неопределенности: так называемой специфической неопределенности, когда речь идет о конкретном, референтном, т. е. соотносящемся с денотатом имени, и неспецифической, когда имя не имеет конкретного референта [Николаева: 349]. Вопрос остается дискуссионным, так как, по мнению Гладрова, «Только референтное имя может выражать неопределенное значение в оппозиции с определенным. Имя, которое не референтно, оппозиции О / НО не передает» [Гладров: 236]. К таким случаям, видимо, следует относить примеры наименований объекта, который говорящий в данный момент не в состоянии идентифицировать. В частности, если названный ИГ предмет мыслится как потенциальный — предполагаемый, планируемый, воображаемый, желаемый — обычно в конструкциях с соответствующими предикатами: в форме будущего времени, ирреальных наклонений, с модальными глаголами и т. д., как в примерах: *да бы съдѣлалъ цркъвь прелѣпоу и пречьстьноу* 20а6–7; *цсрь повелѣ быти столу мѣдану* 100а24; *оумысли изяславъ възградити цркъвь нову* 20б31–32; *имать бо боура велика на мори быти* 171б18; *и образъ ти сътвори златъ* 98в18; *дрюже сътвори ны вечерю добру* 302г13 и многие другие.

В данном случае, видимо, ИГ можно считать и «ограниченно референтными», то есть референт этих ИГ находится «в локальном нереальном универсуме» [Крылов: 258]. Локальный универсум с нереальной модальностью порождается предикатом, создающим контекст неутвердительности.

III. Нереферентное использование ИГ.

Следуя определению Гладрова, «следует отличать понятие неопределенности от понятия нереферентности. <...> Референтное употребление имени означает, что говорящий в речевом акте устанавливает соотношение с некоторым объектом или группой объектов действительности. Имя нереферентно, когда оно относится не к конкретному объекту, а к классу в целом или к признаку данного объекта» [Гладров: 236–237].

К наиболее очевидным случаям неререферентного употребления можно отнести примеры, в которых ИГ выступает в роли приложения или именной части сказуемого. В данном случае мы можем говорить о (полу)предикативности существительное, но прилагательное в данном случае формально выполняет функцию определения. Так как в большинстве примеров основная смысловая нагрузка ложится на прилагательное, а имя существительное относится к классу гиперонимов, можно говорить и о скрытой предикативности прилагательного. В примерах такого типа именно прилагательное характеризует лицо или предмет как представителя класса, определенного типа, обладающего свойством, заключающимся в прилагательном. Приложения чаще относятся к существительным, обозначающим лицо. Сема «человек» обычно уже содержится в прилагательном, характеризующем лицо, а существительное семантически избыточно, определяет фактически только пол, как в примерах: *БЛ҃ХУЖЕ Т҃ГДА ЈЕЛИНИ ВЪ ГРАДѢ · МОУЖИ БОГАТИ* 157г23; *ФЛОРЪНОВИѦ ЖЕ ЁТЕРА ЖЕНА Ч҃СТЬНА* 129в32. Именное сказуемое может характеризовать как лицо, так и предмет, в коммуникативном фокусе обычно находится опять-таки прилагательное: *А МЫ СЛОВѢНИ ПРСТА ЧАДЪ* 105а27; *ВЕЛИКО ДѢЛО ДѢВСТВО ИГДА ИМАТЬ И СЕСТРОУ МИЛОСТЫНЮ* 185а8. Особенно явно предикативность проявляется в случаях типа *КР҃СТЬ ВОЕМЪ ОРОУЖИЕ КР҃ПЬКО И СТРАШНО ПРОТИВНЫМЪ* 88г16–17. Но именная форма сохраняется, даже если не прилагательное находится в коммуникативном фокусе: *ЛОУКАВО ПОГОУБЛЕНИЕ ЦР҃ЕМЪ ЖАНА СИ* 81в17; *ТЫ ПАЖЕ ГЛ҃ЕШИ БОГЫ СОУША ИДОЛИ СОУТЬ РОУКОТВОРЕНИ* 124г19–20.

И если в случае с приложением и именным сказуемым мы еще можем говорить о предикативности прилагательного, то во многих других случаях едва ли. Так, прилагательное, определяющее существительное, обозначающее узуальный объект сравнения, тоже употребляется в именной форме. Это связано с тем, что в большинстве случаев объект сравнения должен обладать каким-то ярким, но типичным и хорошо известным носителям данного языка признаком, являющимся основанием сравнения [Власова 2017]: *МЛТВОУ ТВОРА · И ТОУ ОГРАЖАИ И ЈАКО ГРАДЪМЪ ТВРЪДЪМЪ* 57б28; *КР҃ПЬКО СТОИ ЈАКО ХРАБЪРЪ СИЛЬНЪ БѦ МОЛАДАШЕ* 38а18. Типичность объекта сравнения, таким образом, чаще всего прямо противоположна уникализации, поэтому при всей выразительности и эмоциональности признака, названного прилагательным, оно не служит идентификации предмета.

Атрибутом существительного в обстоятельственной функции тоже преимущественно выступает прилагательное в именной форме. Свойства обстоятельственных ИГ близки к свойствам наречия. Имя тут утрачивает свою субстанциональность и реферирует скорее к признаку действия, чем к самому предмету. Примеры: *И ПОИДЕ РАДЪСТЫНЪМЪ СР҃ЦЕМЪ* 10б21–22 (пошел радостно, радуясь); *ГЛ҃А ЈЕМОУ ОНЪ ВЕСЕЛЪМЪ ЛИЦЕМЪ* 4б610; *РЕЧЕ КЪ НЕИ*

острьмь словьмь 302в28; *стоуоумоу лежащю длго время* 15616; *въ мало время възгради црькъвь* 3768; и *оузърита въ добръ съдравий сестроу ваю* 161г31–32; *съ гнѣвьмь великъмь въпиааше* 32в9 др. Лексический состав имен в сочетаниях подобного типа ограничен, как правило, это имена, всегда конкретизируемые своим атрибутом, который при них обязателен. Обращает на себя внимание также тот факт, что большинство существительных в такого рода сочетаниях относятся к абстрактной лексике, а, как известно, имена отвлеченные не нуждаются в актуализации, кроме того, многие из них обладают большой употребительностью в речи и относятся к разряду речевых клише. Поэтому именные формы в этих сочетаниях могли задерживаться достаточно долго.

Проблема влияния на обязательность или факультативность прилагательного как собственно языковых, так и экстралингвистических факторов рассматривается в статье Е.М. Вольф. Интересно, что в некоторых случаях «в русском языке прилагательное бывает обязательно при неопределенной референции имени, при его устранении необходимо поставить показатель неопределенности» [Вольф: 132].

Так как О / НО относится к коммуникативным категориям, смена ракурса повествования может обусловить использование в рамках одного предложения разных форм, как в примере *поустихъ же ти моужа прозорьлива · и блгодѣти божиа съподоблена · мѣню же чьстьнаго лица каллаипа* 173619–20. На наш взгляд, в первом случае в ИГ *моужа прозорьлива* именная форма в интродуктивном высказывании, а далее происходит «переключение» на точку зрения говорящего (*мѣню же*), для которого данный предмет является определенным, что подчеркивается и сочетанием с именем собственным, и, хотя речь идет об одном и том же лице, используется определенная форма *чьстьнаго*. По замечанию Н.Д. Арутюновой, «экзистенциальная интродукция к тексту обычно сопровождается индивидуализацией вводимого в «универсум речи» (universe of discours) лица или предмета. Индивидуализирующая характеристика может непосредственно включаться в интродуктивное предложение» [Арутюнова: 222].

Выводы. Если из общего числа (4 тыс. словоупотреблений) именных форм прилагательных в Успенском сборнике исключить 900 случаев их использования в роли предикатов и так называемых вторых косвенных падежей, а также почти полторы тысячи случаев их использования для выражения определенности в случае нейтрализации, то остается около полутора тысяч атрибутивных употреблений, анализ которых и позволяет выявить те функционально-семантические особенности именных форм, которые связаны с их древнейшим значением. Анализ данных словоупотреблений позволяет сделать вывод, что не следует классифицировать все случаи употребления именных прилагательных в церковнославянском

тексте только как примеры их предикативного использования. Мы рассматриваем функцию именных форм в этих контекстах как атрибутивную. Так называемая «скрытая предикативность» способствует пониманию именной группы как неопределенной, но нельзя утверждать, что все именные прилагательные предикативны.

Использование именных форм в атрибутивной функции следует связывать с выражением категории детерминации и объяснять либо неопределенностью в случаях конкретного (актуализованного) употребления существительного, к которому относится прилагательное, либо значением принадлежности классу при нереферентном употреблении определяемого существительного. Прагматическим источником неопределенности чаще всего является интродукция, которая может осуществляться как с помощью экзистенциального высказывания, так и с помощью неопределенной дескрипции. Во многих случаях классифицировать значение именных форм достаточно сложно, так как по сути основание употребления неопределенных форм одно: они обозначают принадлежность предмета к классу объектов. Будучи средством оформления неопределенности, именная форма очень важна при повествовании, так как она передает прежде всего нужную для линейного развертывания текста информацию о введении нового объекта в акт коммуникации.

В анализируемых текстах наблюдается тесная связь значения неопределенности с модальными и видо-временными характеристиками разных типов предикатов. Из-за тесной связи с предикатом наблюдается схожесть со значениями, выражаемыми в составном именном сказуемом, но атрибутивное прилагательное не является именной частью сказуемого, так как значение признака предмета не связано с глагольным действием, не вытекает из него, а является самостоятельным. В расширенном понимании связь модальных и видо-временных характеристик предикатов и референциального статуса актантов в древнем тексте еще должна стать предметом более подробного изучения.

Литература

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / АН СССР. Ин-т языкознания. Москва: Наука, 1976. 383 с.

Власова С. Формы прилагательного как средство выражения категории определенности / неопределенности в церковнославянском языке (на материале Успенского сборника XII–XIII вв.). Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2006. 210 с.

Власова С. Связь между определенностью и посессивностью в текстах Успенского сборника XII–XIII вв.: формы прилагательного // *Meninis tekstas: suvokimas, analizė, interpretacija*, 2012. Nr. 8. С. 46–55.

Власова С. Прилагательные с суффиксом *-ьск-* и категория определенности / неопределенности в церковнославянском языке (в сопоставлении с прилагательными с суффиксом *-iškas* в литовском языке) // Русистика и компаративистика: сборник научных статей. Вильнюс; [Москва]: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 2015. Вып. X. С. 7–27.

Власова С. Формы прилагательных в сравнительных конструкциях (на материале церковнославянского текста XII–XIII вв.) // *Kalba ir kontekstai = Language in different contexts: mokslo darbai: Lietuvos edukologijos universitetas. Humanitarinio ugdymo fakultetas, Ats. redaktorius: L. Selmistraitis*, 2017. Т. 7 (2). Р. 62–72.

Вольф Е. М. Прилагательное в тексте («Система языка» и «картина мира») // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 118–135.

Гладров В. Семантика и выражение определенности / неопределенности // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / Отв. ред. А.В. Бондарко. Санкт-Петербург: Наука, 1992. С. 232–266.

Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. III. А.М. Кузнецов, С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько. Прилагательные. Москва: Азбуковник, 2006. 496 с.

Крылов С. А. Детерминация имени в русском языке: Теоретические проблемы // Семиотика и информатика, 1984, вып. 23. С. 124–154.

Кузнецов А. М. Краткие и полные формы прилагательных в деловых и бытовых памятниках Северо-Западной Руси XI–XIV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1983. № 4. С. 46–53.

Кузнецов А. М. Предикативность полного прилагательного в конструкциях с глаголом *быть* // *Valoda. Humanitārās fakultātes IX zinātniskie lasījumi: leksikoloģija, fonētika, gramatika*. Daugavpils: DPU, 1999. Р. 54–65.

Кузнецов А. М. Усвоение церковнославянских именных и членных форм согласуемых слов русскими книжниками XI–XII вв. // *Функции и взаимодействие языковых единиц в тексте*. Таллинн: ТПУ, 2000. С. 95–104.

Кузнецов А. М. К вопросу о происхождении разрядов прилагательных // *Daugavpils universitāte. Humanitāro zinātņu vēstnesis*. 2002. № 1. Р. 80–87.

Николаева Т. М. Определённости – неопределённости категория // Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 349.

Толстой Н. И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 2. Москва: Издательство АН СССР, 1957. С. 43–122.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Москва: Аспект Пресс, 2002. 559 с.

УС – Успенский сборник XII–XIII вв. 1971. Изд. подг. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон / Под ред. С.И. Коткова. Москва: Наука, 1971. 754 с.

Уржумова А. А. Особенности употребления членных и нечленных имен с суффиксом *-ьн* в древнерусском языке (на материале летописных и евангельских текстов) // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (25). С. 101–111.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка: имена. Москва: Издательство МГУ, 1990. 296 с.

Шмелев А. Д. Определенность / неопределенность в названиях лиц в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1984. 19 с.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. 367 с.

References

Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smy'sl: Logiko-semanticheskie problemy' / AN SSSR. In-t yazy'koznaniya. Moskva: Nauka, 1976. 383 s.

Vlasova S. Formy' prilagatel'nogo kak sredstvo vy'razheniya kategorii opredelennosti / neopredelennosti v cerkovnoslavyanskom yazy'ke (na materiale Uspenskogo sbornika XII–XIII vv.). Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2006. 210 s.

Vlasova S. Svyaz' mezhdru opredelennost'yu i possessivnost'yu v tekstakh Uspenskogo sbornika XII–XIII vv.: formy' prilagatel'nogo // Meninis tekstas: suvokimas, analizė, interpretacija, 2012. Nr. 8. S. 46–55.

Vlasova S. Prilagatel'ny'e s suffiksom *-`sk-* i kategoriya opredelennosti / neopredelennosti v cerkovnoslavyanskom yazy'ke (v sopostavlenii s prilagatel'ny'mi s suffiksom *-iškas* v litovskom yazy'ke) // Rusistika i komparativistika: sbornik nauchny'kh statej. Vil'nyus; [Moskva]: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 2015. Vy'p. X. S. 7–27.

Vlasova S. Formy' prilagatel'ny'kh v sravnitel'ny'kh konstrukciyakh (na materiale cerkovnoslavyanskogo teksta XII–XIII vv.) // Kalba ir kontekstai = Language in different contexts: mokslo darbai: Lietuvos edukologijos universitetas. Humanitarinio ugdymo fakultetas, Ats. redaktorius: L. Selmistraitis, 2017. T. 7 (2). P. 62–72.

Vol'f E. M. Prilagatel'noe v tekste («Sistema yazy'ka» i «kartina mira») // Lingvistika i poe'tika. M.: Nauka, 1979. S. 118–135.

Gladrov V. Semantika i vy'razhenie opredelennosti / neopredelennosti // Teoriya funkcional'noj grammatiki: Sub`ektnost'. Ob`ektnost'. Kommunika-

tivnaya perspektiva vy'skazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost' / Otv. red. A. V. Bondarko. Sankt-Peterburg: Nauka, 1992. S. 232–266.

Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazy'ka / Pod red. V. B. Kry's'ko. T. III. A. M. Kuznecov, S. I. Iordanidi, V. B. Kry's'ko. Prilagatel'ny'e. Moskva: Azbukovnik, 2006. 496 s.

Kry'lov S. A. Determinaciya imeni v russkom yazy'ke: Teoreticheskie problemy // Semiotika i informatika, 1984, vy'p. 23. S. 124–154.

Kuznecov A. M. Kratkie i polny'e formy prilagatel'ny'kh v delovy'kh i by'tovy'kh pamyatnikakh Severo-Zapadnoj Rusi XI–XIV vv. // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologiya. 1983. № 4. S. 46–53.

Kuznecov A. M. Predikativnost' polnogo prilagatel'nogo v konstrukcijakh s glagolom by't' // Valoda. Humanitārās fakultātes IX zinātniskie lasījumi: leksikoloģija, fonētika, gramatika. Daugavpils: DPU, 1999. P. 54–65.

Kuznecov A. M. Usvoenie cerkovnoslavyanskikh imenny'kh i chlenny'kh form soglasuemy'kh slov russkimi knizhnikami XI–XII vv. // Funkcii i vzaimodejstvie yazy'kovy'kh edinic v tekste. Tallinn: TPU, 2000. S. 95–104.

Kuznecov A. M. K voprosu o proisxozhdenii razryadov prilagatel'ny'kh // Daugavpils universitāte. Humanitāro zinātņu vēstnesis. 2002. № 1. P. 80–87.

Nikolaeva T. M. Opredelyonnosti – neopredelyonnosti kategoriya // Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar'. / Gl. red. V. N. Yarceva. Moskva: Sovetskaya e'nciklopediya, 1990. S. 349.

Tolstoj N. I. Znachenie kratkikh i polny'kh form prilagatel'ny'kh v staroslavyanskom yazy'ke // Voprosy' slavyanskogo yazy'koznaniya. Vy'p. 2. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. S. 43–122.

Uspenskij B. A. Istoriya russkogo literaturnogo yazy'ka (XI–XVII vv.). Moskva: Aspekt Press, 2002. 559 s.

US – Uspenskij sbornik XII–XIII vv. 1971. Izd. podg. O. A. Knyazevskaya, V. G. Dem'yanov, M. V. Lyapon / Pod red. S. I. Kotkova. Moskva: Nauka, 1971. 754 s.

Urzhumova A. A. Osobennosti upotrebleniya chlenny'kh i nechlenny'kh imen s suffiksom -n v drevnerusskom yazy'ke (na materiale letopisny'kh i evangel'ski'kh tekstov) // Izvestiya vuzov. Povolzhskij region. Gumanitarny'e nauki. 2013. № 1 (25). S. 101–111.

Xaburgaev G. A. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazy'ka: imena. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1990. 296 s.

Shmelev A. D. Opredelennost' / neopredelennost' v nazvaniya kh licz v russkom yazy'ke: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1984. 19 s.

Yakubinskij L. P. Istoriya drevnerusskogo yazy'ka. Moskva: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshheniya RSFSR, 1953. 367 s.

Сведения об авторе: Светлана Витальевна Власова; доктор гуманитарных наук (PhD); доцент; доцент Образовательной академии Университета Vytautas Magnus (Вильнюс, Литва); ORCID 0000-0002-5460-944X; svetlana.vlasova@vdu.lt; сфера научных интересов: историческая грамматика русского языка, балто-славянские языковые связи, сопоставительная грамматика русского и литовского языков, церковнославянский язык.

The author's profile: Svetlana Vlasova; Doctor of Humanities (Philology); Associate Professor; Education Academy at the Vytautas Magnus University (Vilnius, Lithuania); ORCID 0000-0002-5460-944X; svetlana.vlasova@vdu.lt; research interests: historical grammar of Russian language, Balto-Slavic language connections, comparative grammar of the Russian and Lithuanian languages, the Church Slavonic language.